

Ручей пришедшей луны

«Где ясный месяц льётся в облачную заводь» — так поэтично величали самое роскошное заведение города Бэйян, а попросту — его крупнейший весёлый дом.

Три тысячи глазурованных водяных фонарей висели под высокими сводами, озаряя сумерки радужными переливами. Мимо неспешно шествовали обольстительные девы в полупрозрачных газовых одеждах, бережно неся на подносах кубки с хмельным вином. Их грациозные изгибы манили и пьянили не хуже самого напитка.

Здесь предавались не только любовным утехам. Для богатейших купцов и влиятельных господ это место служило площадкой для вольной торговли, совмещая в себе функции борделя и закрытого игорного клуба. За столами велись отчаянные партии: на кон выставлялись бесценные артефакты, редчайшие фамильные реликвии, горы золота, породистые кони, редкие рабы и неопикуемой красоты наложницы. Пороги этого вертепа обивали либо баснословно богатые негоцианты, либо праздные наследники великих кланов, привыкшие швыряться деньгами направо и налево.

Истинные заклинатели редко заглядывали в «Ручей пришедшей луны». По их высокомерному мнению, сокровища и оружие следовало добывать собственными силами в опасных тайных царствах, а здешние продажные женщины не стоили даже мимолётного взгляда.

В умах и сердцах адептов истинного пути безраздельно царил иной образ — божественная Гу Цзинь, также известная как Гу Фаньинь, прекрасная Лошэнь из Павильона Циюй. Её возвышенная холодность и неприступное величие лишали покоя и заставляли грезить о ней наяву, отчего дева прочно удерживала вторую строчку в Списке первых красавиц Поднебесной. Для подавляющего большинства заклинателей, чьи взоры были устремлены исключительно к небесам, любая женщина, не удостоившаяся места в этом почётном свитке, казалась безвкусной пылью под ногами.

Именно поэтому Лян Сюань, переступив порог, невольно приподнял бровь от изумления.

Среди шумной толпы кутил он сразу разглядел нескольких весьма неглупых практиков на стадиях Возведения Фундамента и даже Золотого Ядра. Но пуще прежнего его внимание привлекла кучка юнцов, облачённых в узнаваемые ученические мантии Цинсяо-цзун.

Лян Сюань задумчиво потёр подбородок.

«Малолетки устроили групповой набег на бордель? Будь мы в приличном социалистическом обществе, их бы уже давно повязали и отправили на исправительные работы»

Школяры облепили игорный стол, впериw алчные взоры в стаканчик с костями. Они смотрели с лихорадочным, голодным блеском — того и гляди слюна закапает.

Лян Сюань мысленно усмехнулся. Вариантов было ровно два: либо ребята решили хлебнуть взрослой жизни из чистого любопытства, либо они обычные распущенные бездельники из знатных семей, которых Цинсяо-цзун пригрела по недосмотру. Третьего не дано.

«М-да, катится Цинсяо-цзун на самое дно»

Впрочем, какая ему разница? Своя рубашка ближе к телу. Моё дело маленькое: ничего не знаю, вопросов не задаю.

Поправив широкие рукава, Лян Сюань вальяжно опустился в кресло у стены, мгновенно растворившись в пёстрой толпе.

Шэнь Гумин сел рядом, натянутый как струна. От невыносимого гомона у юноши звенело в ушах, а он помрачнел, словно грозовая туча. Лян Сюань мазнул по нему насмешливым взглядом, но смолчал.

Этот юный герой, едва заведя вывеску над входом, попытался дать стрекача с такой прытью, словно за ним черти гнались. Благо Лян Сюань успел вовремя сцапать его за загривок.

— Тебя-то никто продавать не собирается, чего улепётываешь?

— Если не меня, тогда зачем ты притащился в этот вертеп?! Чтобы я смотрел, как ты развлекаешься с девками на мои же деньги?! У тебя вообще совесть есть?!

Драгоценный нефритовый кулон с пояса Шэнь Гумина этот бессовестный проходимец уже успел благополучно заложить в ближайшем ломбарде.

— Надо же, какой догадливый мальчик, — хмыкнул Лян Сюань.

— Отпусти!

Шэнь Гумин, всё ещё удерживаемый за воротник, отчаянно забил руками и ногами, пытаясь вырваться. Лян Сюань одарил его ледяным взглядом и без лишних слов звонко щелкнул двумя пальцами по лбу. Юноша мгновенно обмяк, его конечности бессильно повисли, а тело онемело.

Оставив бедолагу в полусонном ступоре, Лян Сюань преспокойно втащил его внутрь, словно мешок с овсом.

Огромные жемчужины под потолком струили мягкое сияние. Соблазнительная крупье-

куртизанка кокетливо улыбнулась, со знанием дела встряхнула бамбуковый стаканчик с костями и с мягким стуком опустила его на сукно.

Игроки начали выкладывать ставки: кто-то выставил целый ящик первосортных духовных камней, а один из купцов, лениво ухмыляясь, вытолкнул вперёд хрупкую, как ивовая ветвь, красавицу. В «Ручье пришедшей луны» живой товар никого не удивлял — это было обычным делом.

Шэнь Гумину казалось, что стул под ним утыкан иглами. Он судорожно стиснул ткань на коленях, стараясь унять дрожь в руках, выдававшую его крайнее волнение.

Лян Сюань же сохранял олимпийское спокойствие. Он мерно постукивал согнутыми пальцами по столешнице, словно выжидая нужный момент.

— Хочешь чего-нибудь выпить, юноша?

Шэнь Гумин вздрогнул, осознав, что обращаются именно к нему. Поколебавшись мгновение, он хмуро качнул головой.

Впрочем, Лян Сюань спросил чисто из вежливости и чужим мнением интересоваться не планировал. Жестом подозвав крутившуюся неподалёку девицу, он велел ей зачитать весь список самых дорогих и изысканных вин, какие только имелись в погребах заведения.

От этого зрелища у Шэнь Гумина заныли зубы.

«Ручей пришедшей луны» мало чем отличался от заурядных борделей в плане угощений, разве что цены здесь ломили несусветные. Обычному ремесленнику пришлось бы вкалывать полмесяца, чтобы позволить себе здешний кувшин посредственного вина.

Куртизанка с профессиональной улыбкой закончила сладкоречивое перечисление, предвкушая, как щедрый гость в белых одеждах сейчас осыплет её серебром.

Однако время шло, а незнакомец под глухой белой вуалью безмолвствовал.

Наконец девица не выдержала и вкрадчиво поинтересовалась:

— Чего же изволит господин?

— А? Ах, да, — Лян Сюань словно только что заметил её присутствие. — Будь добра, принеси мне чашку кипятка. Простой чистой воды.

Куртизанка лишилась дара речи.

Похоже, столкновение с настолько вопиющей нищетой в элитном притоне потрясло её до глубины души. Безупречная улыбка на лице девицы дала трещину. С каменным выражением лица она удалилась и спустя пару минут вернулась, с глухим стуком швырнув глиняную чашу на стол.

Лян Сюань заглянул внутрь и невозмутимо поинтересовался:

— А вода точно чистая? Мне нужна родниковая, без примесей.

«Желательно ледниковая, прямиком с вершин, без консервантов и пыли», — мысленно хмыкнул он.

Куртизанка едва не взвыла от ярости, процедив сквозь зубы:

— Чище не бывает, уважаемый. Пейте на здоровье.

Многие богачи у игорных столов, привлечённые перепалкой, с любопытством обернулись. Разглядев позеленевшее от злости лицо служанки и сиротливую чашку с водой, они разразились презрительными смешками.

Шэнь Гумин поспешно закрыл лицо ладонями. Он густо покраснел, а сам он без умолку шептал про себя, что готов сквозь землю провалиться от стыда.

Однако виновнику этого позора было глубоко плевать на чужое мнение. Заставив притихшего спутника расплатиться за воду, Лян Сюань засунул кулак в чашу и принялся увлечённо возить пальцами по дну, покачивая ногой.

Поначалу его поза казалась относительно приличной, но вскоре он совсем распустился. Он бесстыдно развалился в кресле, закинув длинные ноги на край соседнего табурета. Выглядел он при этом как огромная пресыщенная ленивая рыба, у которой напрочь отсутствуют жизненные ориентиры, но амбиций — хоть отбавляй. Небрежная вальяжность граничила в нём с откровенным, вызывающим шутовством.

Косые взгляды со всех сторон становились всё более неприязненными. Шэнь Гумин мысленно молил небеса, чтобы этого безумца поскорее вышвырнули вон. В том, что у его спутника не всё в порядке с головой и медицина тут бессильна, юноша уже не сомневался.

— Чего ты вытянулся как на смотре? — лениво зевнул Лян Сюань. — Расслабься, мы не на уроках у старейшин.

Шэнь Гумин промолчал. Он наотрез отказался поддерживать беседу с этим нелепым созданием.

Но Лян Сюань обожал выводить людей из себя. Заметив, что маленький бессмертный его игнорирует, он придвинулся ближе и бесцеремонно намотал на палец длинную тёмную прядь его волос. Видеть, как у того от ярости дёргается щека, доставляло ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Эй, малец, ну улыбнись хоть разок?

Молчание.

— Мальчик, а чем от тебя так приятно пахнет? Каким мылом ты моешься, а?

Снова ни звука.

— Что же ты молчишь, братец так соскучился.

В конце концов терпение Шэнь Гумина лопнуло. Поняв, что его разум подвергается изошрённому насилию, он сложил ладони у груди и зажмурился.

Лян Сюань уже приготовился слушать жалобные мольбы о пощаде, но вместо этого юноша ровным, монотонным голосом затянул буддийские сутры:

— О Шарипутра! Облик не отличен от пустоты, пустота не отлична от облика. Облик — это и есть пустота, пустота — это и есть облик. То же относится к ощущениям, представлениям, стремлениям и сознанию...

Лян Сюань опешил:

— Да ладно... Ты мне тут Сутру Сердца решил зачитать?!

Но Шэнь Гумин даже не дрогнул, продолжая бубнить священный текст.

Перед глазами Лян Сюаня тут же возник образ занудного лысого монаха, и у него мгновенно разболелась голова.

— Да ладно тебе! Замолчи! — замахал он руками. — Хватит, я всё понял! Больше не буду приставать! Слышишь? Закончу здесь дела и отпущу тебя на все четыре стороны. Клянусь, едва мы переступим порог этого заведения, ты свободен! Только замолчи, умоляю, прекрати!

Лишь тогда Шэнь Гумин умолк.

Лян Сюань облегчённо выдохнул, чувствуя себя так, словно чудом избежал смертельной опасности. Подобной изобретательности от угрюмого паренька он явно не ожидал.

На какое-то время в их углу воцарился относительный покой. Лян Сюань больше не лез к спутнику с глупыми расспросами, хотя тот по-прежнему косился на него с глубоким подозрением, ожидая очередного подвоха.

Однако, вопреки опасениям Шэнь Гумина, мужчина действительно притих. Он скрестил руки на груди и словно воды в рот набрал.

Время тянулось невыносимо медленно.

Лян Сюаню явно наскучило бесцельное ожидание. Желая хоть как-то занять себя, он снова подозвал давешнюю служанку и, примирительно улыбнувшись, приказал принести тарелку жареных семечек.

Монотонный хруст заполнил пространство вокруг них. Время шло, скорлупки летели на пол, но тот, кого он ждал, так и не появлялся. Лян Сюаня охватила глухая тревога. Его цепкий взгляд непрерывно сканировал залы сквозь плотную ткань вуали.

Он запустил руку под головной убор и принялся нервно покусывать ногти.

Шэнь Гумин понятия не имел, ради кого они здесь торчат, но нутром чуял, как в спутнике закипает неконтролируемая ярость. Тот сейчас походил на пороховую бочку, готовую взлететь на воздух от малейшей искры.

Лян Сюань бессознательно скрёб ногтями по дереву столешницы. Скрип стоял омерзительный, но никто из соседей не осмелился сделать ему замечание — давящая аура, исходившая от фигуры в белом, заставляла окружающих испуганно втягивать головы в плечи.

Шэнь Гумин порывался что-то сказать, но вовремя прикусил язык. Логика подсказывала: этот безумец сейчас вполне способен пролить чью-то кровь, так что лучше держать от него дистанцию.

И предчувствие его не обмануло. В следующую секунду потерявший остатки терпения Лян Сюань резко поднялся. Воздух вокруг него пошёл рябью от концентрированной злобы. Мужчина с размаху обрушил ладонь на деревянную столешницу — та с оглушительным треском разлетелась в щепки вместе с глиняной чашей.

Этот грохот мгновенно парализовал заведение. Шумный, весёлый «Ручей пришедшей луны» погрузился в мертвую, звенящую тишину. Сотни глаз уставились на кучу древесной пыли,

оставшуюся от некогда крепкой мебели. Никто не решался издать ни звука.

Лян Сюань уже собирался развернуться и широким шагом покинуть этот вертеп, как вдруг его взгляд зацепился за длинный продолговатый предмет на соседнем игровом столе, бережно обёрнутый в алую парчу с золотым шитьём.

По очертаниям вещь походила на меч.

В голове Лян Сюаня что-то щёлкнуло. Из его ладони вырвался сноп серебристой духовной энергии, со свистом рассекший воздух. Подобно острому лунному лучу, сила разорвала шёлковую обёртку в клочья, явив миру изящную рукоять с искусной гравировкой в виде возрождающегося из пепла феникса.

Лян Сюань обвёл присутствующих ледяным взглядом и процедил:

— Чьё это оружие? Сыграем. Выиграете — забирайте мою голову. Проиграете — меч переходит ко мне.

В зале повисла гробовая тишина.

«Кому, к демонам, сдалась твоя голова?! Кто вообще рискнёт с ней связываться?! Какой от неё толк — вешать над дверью вместо оберега от злых духов?!» — пронеслось в мыслях перепуганных завсегдатаев.

Игроки безмолвно оплакивали несчастного владельца меча, которому не посчастливилось привлечь внимание этого свирепого безумца.

<http://bllate.org/book/18178/1746693>